

МОЙ АВАНГАРД

ТАК НАЗЫВАЕТСЯ КНИГА ВОСПОМИНАНИЙ ГЕОРГИЯ ДИОНИСОВИЧА КОСТАКИ. ОДНОГО ИЗ КРУПНЕЙШИХ КОЛЛЕКЦИОНЕРОВ НАШЕГО ВРЕМЕНИ. ШИРОКО ИЗВЕСТНОГО В РОССИИ И ЗА ЕЕ РУБЕЖАМИ. ОН СОБРАЛ УНИКАЛЬНУЮ ПОИСТИНЕ НЕПОВТОРИМУЮ КОЛЛЕКЦИЮ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ХУДОЖНИКОВ РУССКОГО АВАНГАРДА ПЕРВОЙ ТРЕТИ ХХ ВЕКА.

Костакис, грек по национальности и по подданству, родился в Москве в 1913 году и в нашей стране прожил большую часть жизни. В конце 1930-х годов начал собирать картины старых мастеров, иконы и антиквариат. С 1946 года его увлечение приобрело совершенно определенное направление — русский авангард во всем его многообразии. Это — работы живописи, графики, театрально-декорационного искусства, созданные В. Кандиным, К. Малевичем, Л. Поповой, А. Лентуловым, М. Шагалом, М. Маткозиным, И. Клыном и другими представителями этого течения. Костакис живо, увлеченно рассказывает о своих подчас прямо-таки детективных поисках, об удивительных находках и открытиях. Воспоминания интересны широкому кругу читателей.

В 1977 году, перед своим отъездом в Грецию, Георгий Дионисович значительную часть своих богатств передает Государственной Третьяковской галерее. Остальное вывозит в Афины, где прожил последние годы жизни. Выставки работ художников русского авангарда из коллекции Костакиса объездили многие страны мира, и, быть может, впервые являя зарубежной публике ранее совершенно неизвестный великий русский феномен, замечательное явление русского изобразительного искусства. Умер Костакис в 1990 году.

Воспоминания Георгия Костакиса подготовили к печати А. Костакис, дочь коллекционера, и С. Ямичинов. Предисловие — Савелия Ямичинова. Книгу выпустило издательство «Модус Графити» в Москве.

Мы публикуем из книги Георгия Костакиса, которая уже сейчас становится библиографической редкостью, одну из заключительных глав, в которой он повествует о последних месяцах, проведенных в России, о подготовке к отъезду в Грецию.

Настало такое время — шла вторая половина 70-х годов — когда я почувствовал, как вокруг меня стали возникать разного рода неприятности. На первых порах моего увлечения авангардом власти смотрели на это как на какую-то забаву — никто серьезно не обращал внимания. Но вот о моей коллекции начали писать в журналах и газетах, американских и английских, были передачи по «Голосу Америки» и по «Свободной Европе». В довершение всего зарубежные музеи стали обращаться в Министерство культуры с просьбой продать, скажем, картину Малевича или Поповой, а тем отвечали, что картины у Костакиса. Постепенно тайное начало становиться явным, то есть люди и, в том числе официальные власти и КГБ, поняли, что «грек-чужак», многие годы собиравший никому не нужный «мусор», на самом деле собрал коллекцию, которая стоит больших денег. И настал момент, когда жить в Москве с такой коллекцией стало неудобно.

Мы все время боялись ограблений, нападения на нас и наш дом. Квартира наша не была как следует защищена, двери, как и во всех советских квартирах, можно было пальцем проткнуть... В конце концов так и случилось: меня ограбили. На первый взгляд — все было незаметно. Дверь, на которой стоял прочный замок, никто не взламывал. Окна тоже оставались закрытыми. Тем не менее кто-то проник в квартиру. Со стен ничего не украли, но унесли большое количество работ на бумаге из моего запаса. Заметил пропажу я лишь недели две спустя. Полез зачем-то в свое хранилище и обнаружил, что восемь Кандиных, из тех, которые я приобрел у вдовы секретаря художника пропали. Пропала также большая пачка рисунков и гуашей Клына и еще некоторые вещи. В общем, много, много пропало. Разумеется, я сообщил в милицию. Но помочь мне ничем не смогли.

Прошел год. И снова кража. И снова из запаса. В тот день к нам приехал один человек, который часто у нас бывал и считался, в общем-то, другом дома. Он пригласил всю нашу семью: Зину, меня, и дочку и сына — всех куда-то далеко за город на шашлык в какой-то ресторан. Мы уехали

почти на весь день. Помню, у меня возникло какое-то недоброе предчувствие. Вернувшись домой, я тут же все осмотрел. На стенах все было на месте, ничего не тронуто. Пошел в запасы: так и есть — кража! Я ужасно расстроился.

Прошло два-три дня. Звонит жена моего брата из Баковки, где у нас еще сохранилась старая дача. В Баковке собирались картины молодых художников, на даче было очень много работ и рисунков Анастасии Зверева. И вот панический звонок: «Пожар! Горит дом, приезжай скорее!»

Я помчался туда. Полдома уже сгорело. Пожарные приехали, но без воды, гасить нечем. Поднялся я наверх, где хранились работы Зверева, — все залило водой, многих вещей нет. На стенах здесь висели иконы, написанные на толстых досках. Если бы они сгорели, остались какие-то следы, но от икон и следа не осталось. Ясно было, что кто-то поджег дачу, чтобы скрыть кражу. Я открыл окно второго этажа и посмотрел вниз — в овраг. Еще лежал снег, и на снегу четко виднелись следы. И еще в снегу валялись работы Зверева и других художников. Видимо, воры таскали награбленное через овраг в машину.

Случилось это в 1976 году. Я был в ужасе и решил обратиться за помощью в самые высшие сферы. Мы с дочерью Лилей написали Андропову, а другое письмо — Брежневу. В этих письмах я объяснил, что украдено большое количество работ из моей коллекции, которая предназначалась для Третьяковской галереи. Об этом уже сообщил журнал «Америка». В своих письмах я просил у правительства помощи. Я догадывался, что совершил кражу, и сообщил о своих подозрениях. Еще обратилась в управление по обслуживанию дипкорпуса (УПДК): просил помочь получить аудиенцию у Андропова, поскольку речь шла об очень важном деле.

Пришли два представителя, видимо, КГБ в штатском. Они сообщили, что товарищ Андропов готовится к съезду партии и не сможет меня принять. Думаю, что и писем моих ни Брежнев, ни Андропов не получили.

Несколько позже меня вызвали на беседу и просили не

волноваться: человека, которого я подозреваю, допросят, и правда восторгается. Время меж тем шло, и я узнал, что предполагаемый грабитель собирается уехать в Англию (он был женат на англичанке). Я сообщил об этом «куда следует». Но мне ответили, что не могут его не выпустить, потому что он английский подданный. Это была чепуха — у него же был советский паспорт, только жена его была английская подданная. Тем не менее он спокойно уехал, а кражу так и не раскрыли.

Я понял, что меня обманули, и обратился к американским и французским корреспондентам, рассказал всю эту историю. По всем «голосам» начали ее передавать, причем несколько сущая краски: в одной передаче сказали, что чуть ли не всю коллекцию у меня украли...

После этого шума против меня начались открытая травля и провокации. Меня предупредили, что, если я буду настаивать на расследовании, поднимать скандал, — то будет хуже: в газетах появятся статьи о том, что Костакис спекулирует картинами. Я ответил, что не боюсь и на статьи в советской прессе отвечу статьями в американских и английских газетах. В общем, произошла крупная ссора. Меня начали запугивать, шантажировать...

Я перестал спать по ночам. Было так страшно, что мы с дочерью Лилей перестали ездить вдвоем на машине. Избегали короткой дороги через мост, ведущей к нам на Юго-Запад, — боялись, что грузовиком нас могут спихнуть в реку, ездили по Ленинскому проспекту, делая круг, Лиля на своей машине, я — на своей.

Так продолжалось долгое время. Мы все измучились. И я не выдержал, решил покинуть СССР. Но это оказалось непросто. Я предложил оставить в СССР большую и лучшую часть своей коллекции и одновременно просил, чтобы небольшую часть мне разрешили взять с собой. На что мне было содержать семью на Западе?

Приехал я в Министерство культуры, к Халтурину. Он начал жаться и говорить нечто невразумительное: «Георгий Дионисович, что-то происходит, кто-то где-то тормозит, и, видимо, ничего не получится... Может быть, Вы просто продадите коллекцию нам и получите деньги? Государство может Вам выплатить 500 тысяч рублей». Я возразил: «Что я буду делать на эти 500 тысяч? Остаться я уже не могу и не хочу. А вы меня ставите в положение человека, которому разрешили купить 50 банок икры, с тем чтобы ее продать где-то во французском ресторане или взять два-три ковра на вывоз!»

Скандал тем временем получил широкую огласку — о нем уже знали все коллекционеры Москвы и Ленинграда и все боялись иметь со мной дело. Ко мне перестали заходить, перестали звонить. Я остался один, без всякой помощи.

Моя дочка Лиля и жена Зина предложили обратиться к Владимиру Семеновичу Семенову, который был в то время

заместителем министра иностранных дел и представителем СССР при ООН. Я его хорошо знал, так как он тоже был коллекционером и имел очень хорошую коллекцию доавангардного периода — много отборных работ Фалька, Лентулова, Павла Кузнецова. Мы часто бывали друг у друга, Семенов очень милый человек, ко мне хорошо относился. Но сумеет ли он мне помочь — я сильно сомневался... Однако Лиля настаивала.

Семенов работал в основном в Женеве и редко бывал в Москве. Но Лиля через знакомого журналиста выяснила, когда можно застать Семенова дома. И я поехал к нему в правительственный дом на набережной Москвы-реки. Просторная квартира, на стенах — картины. Я подробно часа два рассказывал о своих делах. Он внимательно слушал. Потом сказал: «Георгий Дионисович, Вы попали в руки мафии. Мне как государственному деятелю неудобно это говорить, но у нас в КГБ есть «отдел мафии», который делает, что хочет — работает «без крышки», то есть без прикрытия. Если что-нибудь случается — их нет... Но им и не запрещают делать то, что они хотят. Хорошо, что Вы пришли ко мне. Пойдемте — выпьем водочки, закусим, поговорим».

Мы пришли в столовую, разлили по рюмочке, сидим, разговариваем. И он произнес такую фразу: «Георгий Дионисович, я постараюсь Вам помочь за Ваше доброе сердце и за Ваши добрые дела».

И тогда я вспомнил, что за год до этого произошла такая история. Ко мне пришел Чудновский — коллекционер из Ленинграда, очень известный, который тоже знал Семенова. Чудновский обратился за советом: не знаю ли я в Москве хорошего кардиолога, потому что у его внуки редкое заболевание «блюберри» — «голубая кровь» — надо делать операцию на сердце, иначе через год девочка умрет. Я ответил, что у меня есть друг — Бураковский, директор Кардиологического института. Я позвонил Бураковскому. Он велел привести ребенка, посмотрел и сказал, что сделать ничего нельзя, потому что, к сожалению, у него в институте нет специалистов для такой операции. Специалисты есть в США, где эта операция стоит 40 тысяч долларов, и в Лондоне, где стоит дешевле — 7 тысяч долларов. На следующий день пришел Чудновский, плачет. Тогда я сообразил: «Попроси Семенова, пусть даст визу жене твоего сына, чтобы она отвезла девочку в Лондон». «А где же деньги, ведь это стоит так дорого!» Я говорю: «А деньги я дам. У меня в Канаде есть доллары. Трудно будет получить визу. Но русские — очень sentimentальные люди, и, когда это касается спасения ребенка, они могут согласиться».

На следующий день я поехал в Госбанк, оформил все, как положено — получение в Лондоне денег по счету. После этого Чудновский пошел к Семенову, и, видимо, сообщил, что получил деньги от Костакиса. Поэтому Семенов так

и сказал, что «за твои добрые дела и тебе помогу».

Словом, пообещал он переговорить на самом верху, с Юрием Владимировичем Андроповым: «Георгий Дионисович, Юрий Владимирович — мой самый близкий друг, мы с ним как два брата. Когда мы маленькие были, вместе в футбол играли. Когда я приезжаю в Москву, мы всегда встречаемся. Я ему расскажу о том, сколько Вы сделали для русского искусства! Юрий Владимирович Андропов — замечательный человек, он — очень честный человек. Он в КГБ работает как Иисус, вымывает всю нечисть, всех жуликов». Приехал я домой, наверное, в час ночи. Зина и Лиля сидели на кухне. «Девочки, — говорю я им, — кажется, все слава Богу, он обещал помочь».

Проходит день, проходит два — а Семенов мне сказал, что через три дня опять уезжает в Женеву. Я не выдержал и на третий день утром позвонил — из дому я не хотел звонить — спустился к автомату. «Алло, — говорю, — да, да, это я». «Георгий Дионисович, — отвечает, — я же сказал, когда что узнаю, сам Вам позвоню. Я еще его не видел». Пришел я домой расстроенный: «Лиля, он ничего не сможет сделать...» Лиля в ответ: «Папа, не торопись. Семенов — не такой человек. Если бы он не мог, он бы тебе сказал. Надо ждать».

Проходит еще день. Утром рано — звонок, прямо на квартиру. Семенов: «Георгий Дионисович, вчера видел Юрия Владимировича, все ему рассказал, все ему объяснил. Он очень возмущен действиями своих людей. Если Вы хотите уехать, можете это сделать. Но если Вы хотите остаться, то стопроцентная гарантия, что Вас никто пальцем не тронет. Что касается вещей, которые у Вас украли, сейчас трудно сказать, найдутся или нет, но относительно тех двадцати процентов, что Вы просили разрешить Вам вывезти, то на это получите «добро» буквально на днях».

Еще несколько дней прошло. Вечером я выхожу из посольства, прошел через парадный вход мимо охранника, открываю дверь выходить, а мне сверху кричат: «Мистер Костакис, телефонный фор ю» Я — «Алло» А это Халтурин из Министерства культуры: «Георгий Дионисович, разрешение получено. Когда можно приехать?» Я говорю: «Хоть завтра, пожалуйста».

Картины, которые я собрал, были для меня, что родные дети... В преддверии расставания я мучительно думал о том, что каждая вещь, которая уйдет от меня, — это часть меня самого, и я буду чувствовать боль, как от кровотока ран. Однако потому, быть может, что я все это уже так ярко пережил в душе, в решающий момент жена и дети были просто поражены моей стойкостью. Пришел Ма-

нин, заместитель директора Третьяковской галереи, и мы начали дележку...

Надо сказать, что Манин оказался благороднейшим человеком. Порой у нас с ним доходило до спора. Он говорил: «Это, Георгий Дионисович, оставьте себе». А я в ответ: «Нет, это вы должны взять, потому что это — единственная вещь, и второй такой нет». Так было, например, с моим любимым рельефом «Пробегающий пейзаж» Клына, который я просто обожал. Он воспроизведен на обложке большой книги — я знал, что этот Клон — единственный, и не хотел брать его с собой, настаивал на том, чтобы музей оставил ее себе.

Так и шла наша дележка... Настрой у меня был таков: я, Георгий Костакис, действительно сделал большое дело, но ради чего, для кого? Лично для себя? Нет. Жизнь человека коротка. Пройдет еще десять, ну, двадцать лет, меня не будет, а после себя нужно что-то оставить, хотя бы доброе имя. Каждый человек должен об этом думать, сознавая, что настанет его время уйти в поднебесье.

Я всегда считал, что сделал добро тем, что сумел собрать то, что иначе было бы потеряно, уничтожено и выброшено из-за равнодушия и небрежения. Я спас большое богатство. В этом моя заслуга. Но картины должны принадлежать России, русскому народу! Русский народ из-за глупости советских властей не должен страдать. С таким настроением мне было очень легко все передать людям, и я старался отдать лучшие вещи. И я отдал их.

Легче легкого было бы взять лучшее себе... Но я не стал этого делать. Не взял потому, что пока я жил в России и создавал эту коллекцию, у меня было много друзей, которые меня уважали. И я думаю, что если я возьму «коронные» вещи, в том числе, скажем, «Портрет Матюшина», что же скажут потом мои друзья? Скажут, что Костакис радел за искусство, за русский авангард, а просто соблюдал свой интерес и, зная цену произведений, он, сукин сын, взял все лучшее и увез! Меня бы осудили даже самые близкие. Я не пошел по такому пути и считаю, что поступил правильно.

Дележка коллекций заняла несколько дней. В музее меня очень торопили: «Давайте, давайте быстрее». Я никак не мог понять, к чему такая спешка. Лишь позже выяснилось, что через месяц в музее ждали приезда большой группы директоров, кураторов и искусствоведов из разных стран. Гостям намеревались показать русский авангард и в том числе, конечно, мои вещи. Для этой цели в Третьяковской галерее была выделена большая зала, где и разместили примерно сто картин. Из них 49 принадлежали моей коллек-

ции, причем лучшие, «коронные» вещи. Мне посчастливилось увидеть все это совершенно случайно, еще до открытия выставки. В отделе икон работала знакомая реставраторша, она меня провела в заветный зал, и я, быстрым взглядом окинув стены, все увидел. Прекрасная была экспозиция! Под моими работами значилось: «Дар Георгия Дионисовича Костакиса».

Когда же наступил день вернисажа, я приглашения не получил... Позже мне рассказывали, что люди спрашивали: «А где же Костакис? Дар Костакиса, а где сам Костакис? Нету Костакиса... Я был так огорчен и обижен, что у меня подступил ком к горлу, хотелось плакать, как бывало в детстве, когда родители наказывали. Но я не мог плакать, только чувствовал, что меня что-то душило».

На следующий день я пошел в Третьяковскую галерею, встретил Манина и говорю: «Как же так? Почему же Вы меня не пригласили?». «Ой, Георгий Дионисович, мы думали, что Вам приглашение пришлет Министерство культуры». «Министерство культуры не прислало, и вы не прислали. Нехорошо...» Я знал, что через день-два у них состоится второй просмотр, и попросил, чтобы хоть и на этот раз меня пригласили. Манин пообещал, но и во второй раз меня проигнорировали...

Еще в те дни, когда мы делили картины, ко мне обратился Халтурин: «А что Вы думаете делать с иконами, Георгий Дионисович? У меня было, наверное, икон 130 или 140, причем очень хороших. Я знал, что разрешение вывезти иконы мне, конечно, не дадут и думал оставить их дочери. Наверное, так и надо было бы сделать, но Халтурин меня уговорил: «Дайте нам половину, а другую половину мы вам разрешим вывезти». Я подумал, подумал и согласился. Тут же приехали из Рублевского музея, отобрали самое лучшее, правда, и у меня остались неплохие вещи.

Дня через два-три, уже передав половину коллекции Рублевскому музею, я отправился в Министерство культуры к тому же Халтурину со списком икон, которые просил разрешение вывезти. Он посмотрел и говорит: «О, да тут XV—XVI век! Нет, Георгий Дионисович, это мы вам не можем разрешить увезти. Да тут еще «Спаситель» XIV века... Нет-нет. Не можем». «Так с какой же стати, — говорю я, — я вам отдал половину икон? Выходит вы меня обманули!». «Ну — оставьте, — говорит, — свои иконы дочери». «Я бы все их мог оставить!» Вот так со мной обошлись советские чиновники от искусства.

У меня в коллекции была замечательная, редчайшая работа Лисицкого, большая, масло. Будучи настроен очень патристически, я настоял на том, чтобы этот Лисицкий остался в Третьяковской галерее. Просто взял, отрезал себе полноги и отдал! А вот лучшие работы Родченко почти все я увез с собой. Почему? Да по той простой причине, что эксперты, которые отбира-

ли картины для Третьяковской галереи, Родченко ни в грош не ставили. Для них Родченко был не художник, а фотограф. Поэтому, когда на кон ставилось большое полотно Родченко, они говорили: «Ну, берите себе Родченко, а нам дайте вот эту Гончарову, какую-нибудь маленькую акварель или еще что-нибудь». Таким образом, картины Родченко остались у меня. А Лисицкого я сам оставил...

Но когда Министерство культуры со мной так поступило, я был охвачен горечью, досадой и обидой. «Знаете, — говорю, — раз мне оговоренную часть икон не отдали, так оставьте ее себе, а мне вместо этого верните Лисицкого». Тут Манин начал плакаться: «Ну, как же так, Георгий Дионисович! У нас в Третьяковке ни одного большого Лисицкого нет... Только маленькие акварели. И потом — это уже зафиксировано, это уже в музее». Я ему предложил: «Тогда поговорите с министром культуры». Он поговорил, и министр соблазнился тем, что они могут получить еще чуть ли не полсотни икон за какого-то Лисицкого. И Лисицкого мне вернули.

Но тут уж и я решил сжульничать. Думаю: «Вы — жулики, и я буду таким же». Говорю Халтурину: «Лисицкого я теперь получил, но не думаю, что я вам все иконы оставлю. Вот вам за Лисицкого семь икон, а остальные я оставлю дочери». На этом и порешили.

В Третьяковской галерее не было тогда специалистов по авангарду, и поэтому, когда шел отбор, то, конечно, в этом деле разбирался только Георгий Дионисович, то есть я. Поэтому это я и подсказывал, что следует оставить для музея, а что — нет. Надо сказать, что вообще специалистов по русскому авангарду в России немного...

После того как коллекцию разделили, я начал упаковывать вещи. Получилось примерно 30 ящиков. Приехал фурун «Интердина», который перевозил вещи. Поехали мы на таможенно. Я сказал сыну: «Саша, попроси маму сделать нам побольше бутербродов, потому что мы на таможене пробуем несколько часов». У нас были приготовлены большие списки и фото с картин, разрешения с печатями. Отдел таможен, ведавший искусством, возглавлял тогда Борис Борисович Ключарев, очень милый человек. Я его много лет знал, потому что по делам канадского посольства часто ездил получать грузы. Я ему говорю: «Вот, Борис Борисович, я уезжаю». И даю огромную кипу фотографий. Он эти фотографии просмотрел за две минуты, отложил и сказал: «Это я потом». И крикнул своему помощнику Василию Васильевичу: «Ваша племб!» Я удивился: «Как же вы так можете, ничего не проверяя?!». «А мы вам доверяем, Георгий Дионисович». В общем, через двадцать минут мы уехали домой. И бутерброды не понадобились.

Это был приятный сюрприз. Видимо, поступило указание Андропова никаких трудностей мне хоть тут не чинить...